

Лека Нестерова

Вещая акварель

Стихотворения

Лека Нестерова

Вещая акварель. Стихотворения

«Издательские решения»

Нестерова Л.

Вещая акварель. Стихотворения / Л. Нестерова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-933392-6

Вещая акварель — стихотворения разных лет, начиная с первых шагов в поэзии, это 1983 г., когда я впервые стала участницей Совещания молодых писателей в Алма-Ате, и заканчивая сегодняшним днём.

ISBN 978-5-44-933392-6

© Нестерова Л.
© Издательские решения

Содержание

1. Дебют	6
Встреча	6
xxx	7
xxx	8
xxx	9
Цветы	10
xxx	11
xxx	12
xxx	13
2. Пыль и ветер	14
Накануне	14
Подражание	15
xxx	16
Предвесеннее	17
xxx	18
Невозвратное	19
xxx	20
3. Маяк	21
У зеркала	21
xxx	22
xxx	23
Повторение	24
xxx	25
xxx	26
Человеческое	27
xxx	28
Этюд	29
Ветру...	30
Колыбельная	32
xxx	33
4. Магнитный город	34
Красота	34
Надежда победить	35
Юмореска	36
Вокал	37
xxx	38
Урок	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Вещая акварель Стихотворения

Лека Нестерова

© Лека Нестерова, 2018

ISBN 978-5-4493-3392-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Дебют

Встреча

Вот он, мой век!
С клюкой на чёрном фоне.
Он позвал меня, уходящий...
Как так вышло, что меня он позвал?
В образе седой...
В морщинных ссадинах от пуль-лет.

– Сядь ближе. —
И замерцали словесные слайды.
Я вижу: пустыни сабель змеиных.
Я вижу: солнце льющейся крови.
Я вижу: приподнятую чью-то голову —
И слова: «Нет, какие вы счастливые, вы ничего не знаете!»
Я говорю, что не тороплюсь больше никогда.
«Говори, говори же, моё Прошлое!»
Улыбка: «О, сколько историй! Сколько истории, ей-богу!..
Я расскажу ещё про Павлика моего....»

Наползающие сумерки.
Переполненная встречей.
Мимо слова, люди... которых давно нет.

1981 г

XXX

Сказать, не думая о слове,
Как о присутствующих, вовсе.
Как самому себе, почти без слов.
Так, словно тёплое набросить,
Иль, услышав вдруг чей-то зов
Внезапный, никого не встретить.
Так лист, сорвавшись бы...
земли не повстречал:
Куда летел бы он – не знал,
К кому взывал – не знал бы ветер...
Мне продышать и в том найти упрёк,
Словно дотронуться к тому, что не потрогать.
И дрожь,
и дрожь, как изморозь от строк
Трещит у самого порога.

XXX

Младенец – месяц молодой,
Безумья всходы
Взрастут в тебе вместе с тобой
Грехом природы.

И все ступени – сон любви
Слепой и властной —
Пройдёшь – и страх, что на крови
Безмерно красной;

И стук в незапертую дверь,
В её никчёмность,
И ожиданием потерь
Порабощённость;

И будет смерти близкий час
Ступенью высшей
Безумья, вперившего глаз
Средь звёзд притихших...

А дальше? Дальше света —
Тьма-старуха,
знает всё сама.

Младенец – месяц молодой
Из тьмы проглянет.
Как сумасшедший за спиной
Тихонько встанет.

XXX

Зачем растаял снег?
Он выпал первым и прошёл стеной.
Его бессмысленный побег
Недуг встревожил мой.

И нынче снова он летит,
Брат к брату своему,
Как будто раны скрыть спешит —
Следов глубоких тьму.

А те, что на сердце легли,
Их боли не унять,
Они насквозь его прожгли,
Чуть зацепив тетрадь.

Цветы

*И в небо щерились уже куски скелета,
Большим подобные цветам.
(Ш. Бодлер)*

В них жизнь, иль смерть,
в цветах на стеблях тонких? —
Контраста яркого в пылу не превозмочь.
Вот жгуче-красным из конечностей бьёт ломких —
Какая выгнала их ночь?
Гнала наверх их ткань и влагу,
Их славу – пусть на краткий миг.
И всё же, прежде чем полягут,
Откроет всё прощальный лик:
Как продираясь телом худосочным,
Изломаны и кровью изошли,
Как, поспешая в мир этот порочный,
Его простив, покорно расцвели.

О, расцвели... волной неизгладимой.
О, прокатились... памятью под стон.
Что лепестки?
Слетают
на пол,
мимо,
И тень к окну отбросил круглый стол.

XXX

Только ночь. И сверчок в ночи.
Кто там шепчется – всё молчи.
Кто там время торопит вспать? —
Всё равно ничего не понять.
Звёзд просыпалась с неба горсть.
Долгожданный нейдёт к нам гость.
Туго стянута кожей дней
Тайна вглубь уходящих корней...
Скоро ль? Скоро пробью ключи?
Ночь. И – громко сверчок в ночи.

XXX

Заводите новый календарь!
Из раскрытых книг туманы хлещут,
Чтобы улетучиться, как гарь,
Взявшая дыханье наше в клещи.

Мир – в болезни. Свет – выздоровленье,
Приближаясь маленькой звездой,
Всё растёт – подкладывай поленья,
Успевай, Несрезанный чертой!
Всех своих немолотых сомнений,
Всех, не понятых тобой до конца,
Жарких и холодных погружений
В истину Бессмертного Лица.

1982 г.

XXX

Близко-близко, у сердца,
Дышит утро. И сны,
Не успев разлететься,
Входят в мир тишины.
Где вздыхают негромко
Окна сонных домов.
Где ломается кромка
Под печатью шагов.
Где железная птица,
Рассекает, трубя,
Наши тысяча тридцать —
От меня до тебя.

2. Пыль и ветер

Накануне

О, что-то случилось...
О, что-то такое случилось...
В заснеженный март
обвалилось громовое небо!
И молнией озлилось.
И молнией как-будто озлилось.
Оскалилось молнией в окна
смешно и нелепо.

Быть может, сей росчерк
Грядущей весны небывалый
Всё тот же союз подтверждает
их с вечными льдами,
И я не ошиблась, рождаясь,
как небо, обвалом,
И с молнией в руке
Средь сугробов, бредущих грядями.

А может быть, это —
страшнее, сильней и желанней —
Рождается что-то,
к земному приблизившись краю...
Но вижу воочию – вспышкой
оконных посланий
Последняя тьма иллюзорной
мечты догорает.

Подражание Маяковскому

Сгрудились века у двери —
Симфонии, распределённые
по нашим голосам!
Лучей лун и солнц волоса
Спутались с гляncем языковых вериг.
Толпа!
Лба сморщины:
«Уж, коль вместе мы,
Каждое «я» вместимо,
Чтобы отдельно звучать,
дельно, проще!
А потому пока смолчу.
Смычку
вручу
отмычку.
А там! Под ликование криков,
В дыхании безудержном
Ворвусь – всеми – со всеми
В открытое!
Брошу веселье,
весеннее,
висение
В ожидании небывалых сдвигов!
О, Время!
Пока буду тянуть «ре-е» – «ми-и»,
В гареме мыслей моих —
Не по-женски. не для женщин иных —
Изведай верность горенью.

1982—83 гг.

XXX

Отчего Вы в шляпе, такая? —
вопрос прозвучал уныло.
Простите, какая?
Не слишком свежая?
Не слишком милая?
Не яркая... и не быстрая...
Нет, знаете ли, воздуха,
такого, истого,
Чтоб всласть напиться
и вдоволь напиться.
Нет тени щадящей, от жажды укрыться.
И самого главного...
главного самого нет —
душе покоя.
Чтобы на ночь гасили свет,
А она не знала, что значит такое.
Светлячком бы порхала в ночи,
Кинув дряблое тело.
Я бы ей приказала – Молчи! —
И она бы не смела...
И тогда бы прелестным цветком
Зацвела б эта кожа.
И махала бы я лепестком
Вам и на Вас похожим.

Вот и бреду такая,
Смешно, в этой шляпе, унылые
Вопросы в душе сжигая,
Не слишком свежая, не слишком милая.

1984 г.

Предвесеннее

Переполнится страстью и мукой
Вся душа, словно ветка к весне.
Закружи, послезимняя вьюга,
Но тебе не воспрянуть вполне.

Вот предчувствий ласкающий локон
Выбиваясь, взыграл на ветру.
Ни лучей, ни распахнутых окон —
Затаённую слышу игру.

Слышу, как извиваются выси,
Словно жадно впиваются в лёд;
Слышу свежесть нетронутой мысли,
Даже слово её не вспугнёт.

Тишины разнимая ладони,
Проскользнёт вдоль движенья ветров
И, как будто случайно, обронит
Свой неясный и тёмный покров.

1984 г.

XXX

В такую нескончаемую сырость
Прощаться тяжело и уезжать
(Поэтому весеннюю игривость
Легко нам за отвагу принимать).

И тощие обветренные ветки
Цепляются, скользя по рукаву.
И лист летит – последний, редкий —
В ещё зелёную траву.

1985 г.

Невозвратное

Всякая минута – день рожденья.
Всякая минута – день кончины.
Мы живём – секунды и мгновенья —
Нашей жизни долгой величины.

Оттолкнусь от волн реки – по берегу
Поплыву, песок сгребая пятками.
И всклокочет кровь тоской по Тереку
Ниоткуда, странной вдруг повадкою.

До того ещё, когда обмолвились,
То не сердце – конь стучал копытами,
Не дожди, а слёзы пролились
По отринутому, потому забытому.

Потому сознанием не выношено.
Только кровь намёками, как иглами...
Это дерево никем не выращено,
Оно чёрными повисло силами!

И плоды его – бесплотные, голодные —
В росчерках израненные листики,
Не дописанные до истины...
И дожди песочат их безводные

1989 г.

Посвящается моей бабушке,
Анне Кузьминичне Терновской

XXX

Анной наречённая...
Жизнь грозой прошла.
Всходит солнце горнее —
Вот и умерла.

Небеса кольшутся
Пред тобой.
Прямо к небу движется
гроб с толпой.

Как стекло прозрачное —
Вдребезги! – лазурь.
Идут новобрачные
Сквозь источник бурь.

Просят жизни вечной —
Жив и мёртв —
Каплей – Мрак Предвечный —
С ложки мёд

Им в уста алкаючи.
Что теперь им свет?
Гроб во тьму толкающим,
Идущим во след.

1990 г.

3. Маяк

У зеркала

Ты называешь меня тучкою своею
За мои серые глаза.
Вот и печалей не развею —
И плачу, словно небеса
В июне
тёплыми дождями.
И ночами
Тревожно сердце гроыхало вдалеке.
Ты слышал? Это от молчания
И тишины, накопленной в тоске.
Ты слышал, чувствовал ли? —
Молнии к твоим тянулись берегам!
ЯзЫками безмолвными
Глубоко вскрикивали там.

XXX

Всё говорит о том.
В полётах птицы.
Листва слетает и кружится —
И не уляжется притом

Никак, ей ветер
Скучная помеха.
Лишь в небе жгучая прореха
Лучами светит.

И блик мерцающий
Один —
Моёй надежды господин —
Согреет и приветит.

Всё говорит о том...
Темнее ночи.
И встречи долгие короче
Стали, тих стал дом.

И ожидания всё горше:
Сегодня жду, а завтра больше
Уже не жду.
Приду.

В бреду все сны.
И сна-то нет.
Средь ночи зажигаю свет
(так до весны),
Спускаюсь лестницей —
бегом! —
За непослушным поводком.
И отрок-пёс
Предчувствий нос
Задрал на первый свой мороз...

Всё говорит о том.

XXX

За зелёной этой аркой,
За оврагом, во бору,
В тон букашечкой неяркой
Тёплую обнять кору.

На корнях сосны взнесённой
Покачаться к плоти плоть:
«Ты ошибкою прощённой
В рай прими меня, Господь!

Пусть кочевник – воплощенье
Прихоти своей – смахнёт
И под ногтем кровь отмщенья
В свою глушь перенесёт».

Повторение

И должно явиться Слово.
Появиться из пучины.
И неведомую плотью
Устрашающей личины

Испугать – и удалиться,
Шею длинную скрывая.
Чтобы в нас, по нашим лицам,
Было видно – оживаем:

Каждой судорогой страха,
Звуком нечленораздельным,
И под вымокшей рубахой
Этим потом неподдельным;

Каждым жестом, взор прикрывшим,
В самого себя вглядеться,
Чтобы чувствовали – дышим,
И – так странно! – бьётся сердце.

Оттого, что позабыто
И утрачено Начало
И концом пера изрыта
Почва в поисках немало

И должно явиться Слово.
Появиться из пучины.
И неведомую плотью
Устрашающей личины
Испугать – и удалиться...
Чтобы в нас, по нашим лицам...
Оживаем...
Бьётся сердце...

XXX

А в природе беспредметный разговор —
Слово Божье, просто так оно летит.
И, вступая в переключку или спор,
всё шуршит, свистит, щебечет и трещит.

И никто не ищет смысла – нет нужды —
В недосказанном, невнятном – предрешён.
И отгал-киваю-щийся от воды,
Пеликан, как Моцарт, отрешён.

Не придёт, счастливчик, в голову ему
И подумать – «Вот я, птица-пеликан!»
Что какой-нибудь в завистливом дыму
Сеть ему готовит и капкан.

А и зверь голодный если налетит,
Не из зависти – как Вы же на бифштекс.
И дуэт страстей их предварит
Высшей справедливости гротеск.

Так, в прекрасной бессловесности кружась,
Шум и голос музыкальных ищут форм.
Каждый – логика другого, отродясь
Не убийца, не доносчик и не вор.

XXX

Между закатом и зарёй
Во тьме ночной никто не спит.
И, словно он с землёй сырой
Самой без страха говорит.

Тысячелетья вороша,
Не успокоится душа.
Скорее мир она обрушит,
Как тесно скроенный наряд.

Т а м всюду рублища горят...

Человеческое

Всё темно во мне, неясно.
Вязко тянутся слова.
И приблизиться опасно —
Я, как мёртвые, жива.

Только что не вспоминают
И поминок не справляют.
Зло покуда причинить
Ещё могут, может быть...
Но почти уже не могут —
Телу выдана броня.
Только в ней не перед Богом
В нужный час предстану я.

Дух бродяжит и теснится
Средь небес, и, если – «да» —
На мгновенье с телом слиться, —
Иль ненастье, иль беда.

Крепок дух мой. Тело вяло.
Дух бредёт средь звёзд устало,
Следом кнут в его руке
(След кровавый на песке)
С наконечником свинцовым
И всегда на всё готовым.
Он чужую стерпит боль.
Друг, прости! Пойми, любовь!
То погонщик величавый,
Мыщ его кляни игру!
Человечью гонит славу
К новым пастбищам кровавым —
Гости будут на пиру.

XXX

Ну, давайте: я читаю вам стихи...
Пропадаю я, наверно, за грехи.
Всё сливается, как валится из рук,
В неотвязно-непрерывно-ровный звук.
То звонок мне – и на подступах гонцы:
Гулливые бойкой тройки бубенцы!

Прозвенели, словно выели висок...
Из измученной берёзы хлещет сок;
Из бутылки позабытой – через край! —
С мошкарюю, мутным зельем —
прямо в рай

Этюд

Метели буянные,
Шумные, пьяные —
Январские бури —
февральский прелюд.
Бежать ли от вас,
иль искать в вас приют?
Но душ наших
клавиши фортепьянные,
То будто воспрянут,
то вновь опадут,
Встревожены ритмом
синкопы гарцующей,
Рассеяны темой
подъездных дверей.
И эхом,
обрывки пространства
связующим,
Нам – вымысла жести
пунктир негодующий
И звуки – фермата
продрогших зверей.

Ветру...

Ветер! Ветрище!
Седой старичище!
Воешь всё, сердисься,
Ветер-ветрище?

А я не люблю,
когда громко вслух.
Пред тобой с мольбою
В ноги – бух:
– Не вой, не ворчи,
Даром треск в печи.

Под ногами у тебя —
Снега.
Пред тобою – человек.
Легка
Одежонка на нём,
рвань.
Вон зевает, засыпает,
Глянь.
Ветер! Ветрище!
Седой старичище,
На него что ль сердисься?
Ветер-ветрище.

А в чём повинен он —
Суд стихий! —
Тем, что жизни сон —
В стихи?
А след его заметаешь
зачем?
Громок, ветрище,
Громок, а нем.

Ветер-ветрище!
В уши свищет.
Спасёт ли убежище?
Ветер-ветрище:

«Всех – на упокой!
Крыши все – долой!
Дороги – замести!
Никого не спасти!» —
Но того всегда спасало,
Кто ветру —
«И этого ветра мало!»

Защищена
стенами четырьмя.
Но ничего, ничего
ветра окромя
Нет – внутри ли, снаружи.
Кружит, выюжит!
Штор опахала.
– И этого ветра мало!

Колыбельная соотечественникам

Я песнь вам
спою
ожидания:

«Не чуя затекших ног,
Мы в храме пустом мироздания —
Священный не стоптан порог
Народов живой вереницею.

Мы – первые здесь из живых.
И – титульную страницу
Кроваво-нарядной для них.
В грехах перед дьяволом – или
Пред Богом предстанут они.

А нас в этом храме взрастили —
Века пролетали, как дни!
Страданием пестуя выи,
Кровавая нам розовость губ.

Как роз лепестки огневые
Росли мы. И вот он – сруб
Свежайший, в бутоне. Бутонные!
А срок нам расцвета – мечта!
В нас Божия благодать бездонная —
И дышащая пустота.

Желанны и счастью, и горю,
Добром ли растоптаны, злом,
Нам сладостно и на просторе,
И в бездне нам сладок излом.

И этот сквозняк, что свищет —
Нам сладок – сквозь щели: весть!
Мы ждём Тебя, Благодатный Нищий,
Как Ты, пригвожденные цвесть.

XXX

Сентябрь, заморозки, роза...
Словно, целуя, расцвела...
Я говорю сквозь тон вопроса,
Что все окончены дела,

Что собран урожай, и лишь среди пустого
Поля – родитель твой, шипастый куст.
Роза! Целую бархат твой бордовый
Обветренных и потемнелых уст.

Мы обе жрицы полутонов.
Сентябрь нынче хмур и зол.
Нераспустившихся бутонов
Хрусталь – твой гиблый ореол.

4. Магнитный город

Красота

Ясна, как устав монастырский.
Как инока бытность проста.
И мощью сверкнув богатырской,
Мерцает её немота.

И словом из слова изъятим,
Сверхзвука, сверх-смысла полна.
Открыта, подъята, распята —
И жертва, и плач, и вина.

Надежда победить

Надежда победить? —
Как дорого, как глупо...
Себя, других винить
Потом и бегать с лупой
Всё больше по следам
Своим. И будет грустно.
Истребуем, но – т а м —
Законность лож Прокруста.

А здесь мы сотворим
Действительность без боли, —
Как двери отворим,
Спасаясь от неволи,
Где будет легче сметь,
Где дум поток осажен...
Ни грамма слова «смерть»
Не выгадать продажей!

Где слово-боевик
Проходит слов болота,
А пуля-слово «миг»
В подтекст садится плотно.
А слову «победить» —
Тем цветом придорожным —
Один удел – дружить
С пыль-словом «невозможно».

Над пылью и цветком
Бог-Слово год от году
Возмездья тёмный ком
Подхватывает с лёту.

1999 г.

Юмореска

Под низким окошком
Стремительных мальв
Что город возрос
В одну ночь незаметно.
Так рано. Но тихим
Лучом отогрета
Некрепкого раннего
Сна полутьма.

Так рано. А шмель
уж не спит, и косматым
Гулякой несётся по всем кабакам:
То – нет всё, и нет,
Выползает – помятый.
То вылетит сразу,
Схватив тумака.
Ах, он искушает!
Прыг! – цепкой былинкой
На спину ему:
«Искунитель-злодей!
Там, в розовой мальве —
Скрип старой пластинки.
И слышно из белой —
Уплачено, пей!»

Гуляка весёлый
Пузатый и бедный,
Так коротко лето,
Давай поспешим,
Покуда жив город,
Столь хрупкий и бранный,
Покуда мы живы:
И я – и ты жив.

Вокал

От музыки-Марины
до моря недалёко.
А голос так высоко —
высокогорья голос
Встречал открытой бездной
и боль предвозвещал,
И силу беззащитности вселял;
И всплески волн октавных,
и монолиты пенья,
И многоструйное небес течение!..
И грудь разверстая плыла к ним
жадным ртом —
Мир рушился
телесный
за бортом.

XXX

Господь рассыпал, как намёки,
Небесных Царствий кружева.
А тень лежит на солнцепёке —
Резка, черна и не жива.

Хотел ли быть непримиримым, —
Вопрос, как снадобье вкушал.
И замысел, Им здесь творимый,
Тогда пред умыслом вставал.

И жгла насущность наказания.
Но искры Божии кругом,
Кругом рассыпал Он, спасая,
Назад сзывая в Отчий дом.

И там, где тень отображала
Походы подлые врага —
Томился тальник, и дрожала
Река, чуть тронув берега;

Паук невинную интрижку,
Плетя, в засаде серебрил;
Тропа вилась, бежал мальчишка,
На крыльях курточки парил;

Звенели краски, струи, струны,
Букашки, бабочки, птенцы —
В своих заботах многотрудных —
Свистки, трещотки, бубенцы...
Они, как тонкие знаменья,
Сигнал, примета, тайный жест
Юродивой, хитросплетений
Земных и – около – веществ

Летучий знак, что всё готово,
Всё ждёт, чтоб вражий пал редут...
И шлёт таинственное слово
Всему увиденному тут.

Поэту Н. Якшину

Урок

Там соловьи не поют.
А здесь – поют.
Пустыньки моей приют:
Фьют... фьют...

Издали – где нам с тобой! —
Душу лаская, —
«Вот тебе тут и покой», —
Песня такая.

Хочешь, зажмурься и верь,
Ты, моя детка.
Только не верь – суховой,
Мёртвая ветка.

Здесь, у живого леска,
Ты притаись, и кроткой
Тенью ученика
Слушай, – и, вырвавшись ноткой,

Грянет из самой груди!
Как в назиданье!
«Господи, мя огради, —
Скажешь, – рыданья!»

Скажешь: «И грудь им мала!» —
И, зависая,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.